

Всего лишь поэт

НГ Exlibris (прил. к Независимой) — 2003. — 11 сент. — с. 1-2 69

Владимир Микушевич: «По-моему, мне всегда удавалось жить в обществе и быть от него свободным»

Владимир Микушевич (р. 1936) известен прежде всего как переводчик. Ему принадлежат классические переводы Петрарки, Кретьена де Труа, Рильке и Новалиса. Можно с уверенностью утверждать, что классическими станут и его переводы Эзры Паунда, включенные в только что изданный в Санкт-Петербурге первый том сочинений американского поэта. Однако свои собственные сочинения — как художественные, так и философские — Микушевич начал публиковать только после перестройки. В второй половине 1990-х вышли и его «Сонеты к Прекрасной Даме», а в начале 2003 года — роман «Будущий год». Недавно издательство «Надмосковье» выпустило еще один его поэтический сборник «Бусенец», куда вошли стихи Микушевича за последние сорок с лишним лет. В том числе и те, что в советский период печатались, но с ку-

пюрами. Поздравляя Владимира Борисовича с новой книгой, «НГ-EL» решил также побеседовать с ним о прерватностях поэтической стези в советской и постсоветской России.

— Владимир Борисович, кем вы себя считаете в первую очередь — переводчиком, поэтом, философом или прозаиком?

— Вы знаете, я и то, и другое, и третье. Но я считаю, что во всем том, что вы называли, я поэт. Хотя на Западе слово «поэт» уже вышло из такого употребления, говорят «лирик», и тогда можно было бы сказать, что во всех этих областях я лирик, но, с другой стороны, я считаю, что и проза — это поэзия. Не только моя, но вообще художественная проза — это поэзия. Да и моя философия так тесно переплетается с поэзией, что одно трудно отличить от другого. Это вообще в традиции русской философии. Что касается перевода, то что же такое перевод, как не поэзия?

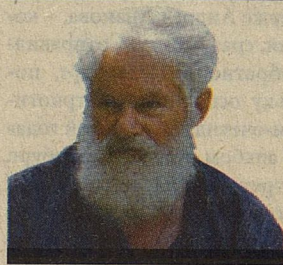
— Вы раньше начали переводить или писать стихи?

— Я с детства самостоятельно изучал языки и очень рано начал читать по-немецки. И начал переводить одновременно с писанием стихов. Переводил я то, что попадалось в руки. Для меня перевод и поэзия тесно переплетены. Для меня перевод — это чтение. Подобные переводы я делаю и из поэзии на родном языке. Я перевожу стихотворение для себя. Мне кажется, каждый читатель это делает. Для меня перевод — это продолжение чтения любимых стихотворений.

— Почему вы не печатались как поэт в советское время?

— Это надо спрашивать не меня. В результате долгих размышлений я пришел к выводу, что это не печаталось потому, что это поэзия. Печаталась же стихотворная публицистика. Эта стихотворная публицистика могла быть о любви, могла быть о природе, она могла быть аполитичной, но она оставалась публицистикой. А вот то,

что это поэзия, всегда вызывало неприятие у людей, причем не обязательно ко мне враждебно настроенных. Даже когда в 88-м году появилось стихотворение «Интеллигент» в «Новом мире», там все-таки сняли четыре строки. «Эротомания

Для меня перевод — это продолжение чтения любимых стихотворений

окраин» показалась шокирующей. Именно потому, что это поэзия. В сущности, поэзия вызывает страх своей непредсказуемостью. Вероятно, это то, что заметил в свое время Пастернак: «Напрасно в дни великого совета, где высшей страсти отданы места, оставлена вакансия поэта: она опасна, если не пуста». А я никаких вакансий вообще никогда не зани-

мал. Лучше всего о моей ситуации в ту эпоху сказано в моей книге в стихотворении «Пмятник». Лучше, чем там, я сказать не могу: «Готовый предпочесть изгнанию заточение, гонений избежав и не снискав похвал, уединение и самоотрече-

— В 90-е годы ситуация не изменилась?

— По-моему, нет. Что касается поэзии и вообще духовной жизни, остались то же давление и та же цензура, хотя она и перестала быть государственной.

ние соблазнам вопреки я смолу избрал». Мои книги и сейчас выходят в виде исключения. Но у меня складывается впечатление, что с поэзий так и должно быть, на то она и поэзия. Поэзия не интегрировалась в эту культуру, как она не интегрируется и в современную культуру, которая в общем осталась той же, что в советское время.

— Вас знают и печатают на Западе. Почему вы не уехали?

— Для меня покинуть Россию было невозможно. Мои стихи очень тесно связаны со здешним пейзажем. Одно продолжает другое. Причем не только мои стихи продолжают этот пейзаж, но и этот пейзаж продолжает мои стихи.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Всего лишь поэт

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1
– Какие стихи вы включили в этот сборник?

– В этот сборник вошли стихи, объединенные темой бусенца. Бусенец – это мелкий дождичек или мелкий снежок. Таким бусенцом были стихи, которые вошли в эту книгу.

– Кто из переведенных вами поэтов ближе вам по духу?

– Конечно, вся моя поэзия перекликается с поэзией Рильке. Встреча с Рильке была для меня знаменательной. Она произошла очень рано. Для Пастернака Рильке – интонация, для меня Рильке – посредник между жизнью и смертью. В последнее время меня увлек Эзра Паунд. Вообще меня всегда интересовали поэты, которые подвергались в жизни гонениям. Вместе с Рильке я должен назвать другого моего любимого поэта, Готфрида Бенна, который был обвинен в сотрудничестве с национал-социализмом и который годами не печатался, но продолжал писать. Меня восхищает его любовная лирика. В моей книге можно найти постоянный диалог с Бенном, и

если я его мало перевожу, то только потому, что я хочу сохранить его стихи для себя в оригинале. Но в основном моя поэзия имеет русскую основу. Поэты, которых я переводил, прямого литературного влияния на меня не оказали. Боюсь, скорее русская стихия оказала влияние на мои переводы.

– Кто из русской традиции вам близок?

– Бунин и Клюев, такое парадоксальное сочетание. Кроме того, очень важна для меня поэзия древнерусская, доломоновская. Иконопись, сочинения отцов Церкви, среди которых для меня особенно был важен Ефрем Сирийский. А главное – православная литургия, ее красота. Русские послы в Константинополь и приняли, как известно, православие за красоту. Я вот один из этих послов.

– Как вы оцениваете ситуацию в современной русской литературе?

– Я считаю, что современная литературная ситуация страдает от несвободы, которая тем хуже, что она теперь идет не от внешних инстанций. Люди все время

себе что-то навязывают. И то, что они себе навязывают, очень похоже на прежние запреты. Люди, сформировавшиеся в условиях этих запретов, уже без них и не представляют свою работу. Культ искусства советского периода, искусства несвободного, он сказывается и в поэзии. Причем такой поверхностный разболтанный авангардизм и постмодернизм – это тоже проявление несвободы. Это стремление бросить вызов запретам, а если им бросают вызов, значит, они существуют.

– В каком отношении поэт должен находиться к политике?

– Поэт откликается на все. И в этом смысле никому не должен. Хорошо, если он пишет хорошие стихи. Поэзия вообще высшая форма свободы, которую может себе позволить человек. Поэзия все равно определяет жизнь, даже когда ее не читают. У поэзии есть своя магическая энергия. А неприятие поэзии или равнодушие к ней – это обратная сторона ненависти к свободе. Человек, исключаящий поэзию из своей жизни, наносит

ущерб самому себе. Он за это платит плохой памятью, ранним старением. Поэты, когда их не убивают, живут очень долго. То, что поэзия не входит в современные образовательные курсы, ведет к деградации человека во многих смыслах. Вплоть до такого патологического явления, как импотенция. Ведь поэзия связана со стихией любви в человеке.

– Вы разделяете мнение, что поэт в России больше, чем поэт?

– Я категорически не согласен с этой фразой. Может быть, я не понимаю ее смысла. По-моему, больше, чем поэт, ничего не может быть. Ибо в древней традиции Бога называют поэтом.

– Как следует поступать обществу, когда поэт выступает с ним в конфронтацию?

– Обществу надо оставлять поэта в покое. И давать ему возможность быть поэтом. Демократия на то и демократия, чтобы позволять выступать против себя. И мне, по-моему, всегда удавалось жить в обществе и быть от него свободным. ■

Беседовала
Наталья Осминская